

Н. Н. Серегин¹, М. А. Демин², С. С. Радовский³

Погребение бийкенской культуры из Северного Алтая*

^{1, 3}Алтайский государственный университет, г. Барнаул, Российская Федерация

²Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты изучения одного из раннескифских захоронений археологического комплекса Карбан I. Памятник расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюз, в Чемальском районе Республики Алтай. Ключевыми характеристиками публикуемого кургана № 22 являются каменное надмогильное сооружение; ящик из плит, установленных на уровне древнего горизонта; сильно скорченная поза умершего человека, уложенного на левом боку; ориентировка покойного головой в северо-западный сектор горизонта. Данный объект относится к бийкенской археологической культуре раннескифского времени. В связи с отсутствием сопроводительного инвентаря датировка погребения, с учетом имеющихся результатов радиоуглеродного датирования, определяется в широких рамках VIII – первой половины VI вв. до н. э. **Ключевые слова:** Алтай, раннескифское время, курган, бийкенская культура, погребение, хронология.

Различным аспектам изучения комплексов бийкенской археологической культуры Алтая раннескифского времени посвящена серия публикаций, большая часть которых издана в течение последних десятилетий [1; 2, с. 74–75; 3; 4, с. 11–14, 17–24; 5, с. 272–290; и др.]. Вместе с тем на сегодняшний день остается значительное количество дискуссионных вопросов, связанных с историей данной общности. Во многом это обусловлено фрагментарностью сформированной источниковой базы. Учитывая невысокую интенсивность полевых работ на территории Алтая, которая объясняется рядом факторов, целесообразно обратиться к неопубликованным материалам, зачастую содержащим весьма ценную информацию. В настоящей статье представлены результаты раскопок одного из погребений бийкенской культуры некрополя Карбан I.

Археологический комплекс Карбан I расположен на левом берегу р. Катунь, в 1,7 км к северо-западу от с. Куюз, в Чемальском районе Республики Алтай (рис. 1). В 1989–1990 гг. на этом некрополе в рамках аварийных археологических работ экспедицией Барнаульского государственного педагогического института (ныне Алтайский государственный педагогический университет) под руководством М. А. Демина было изучено свыше 40 курганов различных хронологических периодов. Серия раскопанных объектов относится к раннескифско-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Президента РФ, МД-792.2022.2.

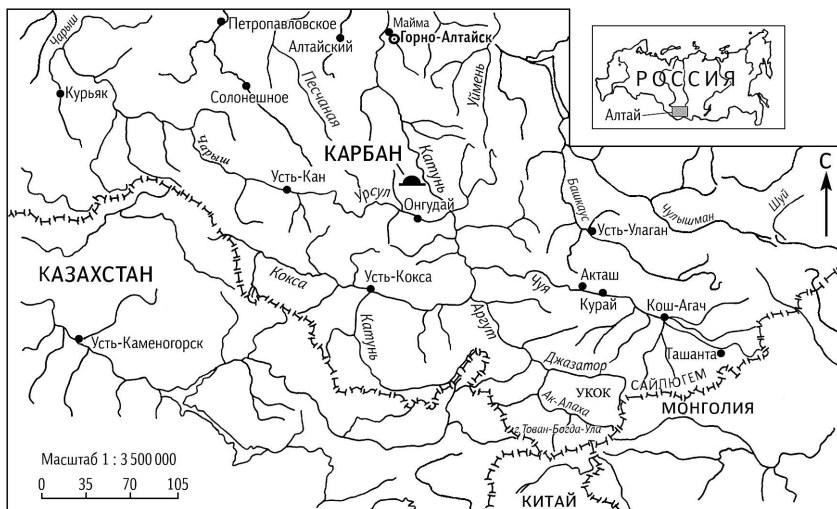

Рис. 1. Расположение погребально-поминального комплекса Карбан I.

му времени. Захоронения первой половины I тыс. до н. э. отличаются высокой степенью вариабельности показателей обрядовой практики. Только одно из погребений (курган № 22) демонстрирует совокупность характеристик, типичных для носителей бийкенской археологической культуры.

Курган № 22 расположен в западной части комплекса Карбан I, в планиграфически четко выделяющейся группе сооружений раннескифского времени. До раскопок данный объект фиксировался благодаря выступающим на поверхности отдельным камням насыпи. После снятия дерна в серо-черном гумусированном песке был расчищен каменный ящик прямоугольной формы, ориентированный почти точно по линии северо-запад – юго-восток (рис. 2, 3). Размеры конструкции по дну составили 1,3×0,8 м. Ящик сложен из нешироких плит, установленных на древней дневной поверхности с небольшим наклоном внутрь.

Наземное каменное сооружение сохранилось только к северу от ящика. Оно состояло из крупных речных валунов и нескольких плит. У южного угла ящика лежал один крупный валун, а с восточной стороны расчищено небольшое скопление плит. Не исключено, что часть насыпи кургана № 22 была использована при возведении конструкций более позднего времени. Заполнение каменного ящика состояло из гумусированного песка вперемешку с мелким обломочным материалом. В верхней части данной конструкции обнаружены мелкие фрагмен-

Рис. 2. Наземная конструкция кургана № 22 некрополя Карбан I.
Вид с юго-востока.

ты керамики без орнамента. Недалеко от юго-западной стенки ящика в почвенном слое найдены «бабка» и обломок большой берцовой кости лошади.

На дне каменного ящика расчищен скелет мужчины 35–45 лет в анатомическом порядке (определение канд. ист. наук А. Р. Кима) (рис. 4). Умерший был уложен в сильно скорченной позе, на левом боку, головой на северо-запад. Череп обращен лицевой частью на северо-восток. Ноги покойного согнуты в коленях, пятки подтянуты к тазовым костям. Правая рука согнута в локте, ее кисть находилась под черепом в районе челюсти. Кисть левой руки, тоже согнутой в локте, охватывала нижние ребра правой половины грудной клетки. Кости скелета лежали на границе древней дневной поверхности (песка коричневого цвета) и заполнения ящика. За исключением упомянутых фрагментов керамики, находок в захоронении не обнаружено.

В 1,5 м к югу от ящика кургана № 22 и в 3 м к востоку от края наброски находящегося рядом объекта № 3 выявлена яма грушевидной в плане формы. На материковом песке пятно, обозначенное как сооружение 13, выделялось темным коричневатым цветом и выступающими краями камней заполнения. Размеры объекта, длинной осью ориентированного по линии север–юг, составили 1,7×1,0 м. Стенки ямы покатые, дно уплощенное, глубина от уровня древней поверхности 35–40 см. В ходе выборки заполнения данного сооружения расчи-

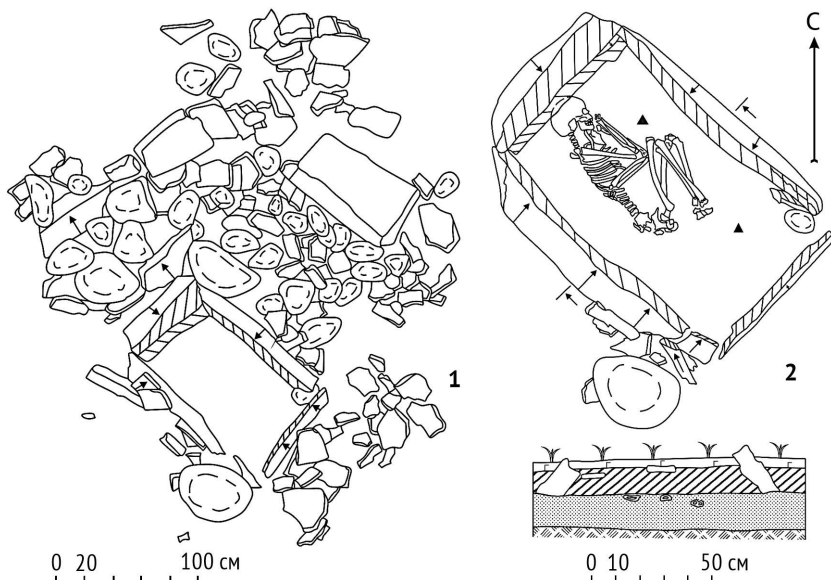

Рис. 3. План наземной конструкции (1) и погребения (2) кургана № 22 некрополя Карбан I.

щены две группы близко лежащих камней, пять неорнаментированных фрагментов керамики, по меньшей мере от двух различных сосудов, и отдельные кости лошади — два фрагмента длинных костей ноги (берцовой и метаподия) и осколок зуба.

В связи с отсутствием в захоронении кургана № 22 сопроводительного инвентаря основой для установления времени сооружения данного объекта выступает главным образом погребальный обряд. Ключевыми зафиксированными характеристиками являются каменное надмогильное сооружение; ящик из плит, установленных на уровне древнего горизонта; сильно скорченная поза умершего человека, уложенного на левом боку; ориентировка покойного головой в северо-западный сектор горизонта. Обозначенные признаки полностью соответствуют основным показателям обрядовой практики носителей бийкенской археологической культуры раннескифского времени [1, с. 47–48, 51–52; 4, с. 11–12; 6, с. 150–151]. Важно отметить, что курган № 22 является едва ли не единственным подобным объектом, исследованным в составе некрополя Карбан I: почти все остальные погребения отличаются рядом характеристик, нетипичных для носителей рассматриваемой общности (отсутствие каменной насыпи, захоронение в мо-

Рис. 4. Захоронение человека в каменном ящике кургана №22 некрополя Карбан I.

гильной яме, подбой, положение умерших на спине, ориентировка в восточный сектор горизонта и др.).

Показательной особенностью публикуемого погребения является сильно скорченное положение костяка. Подобная ситуация фиксиру-

ется как в материалах раннескифского времени горной части Алтая [1, рис. 7, 4; 7, с. 28, рис. 7; 8, рис. 2, 3; 9, рис. 3; 10, рис. 10; и др.], так и в комплексах этого периода, расположенных в северных предгорьях [11, рис. 3а, 4а] и в Верхнем Приобье [12, табл. XVII; 13, рис. 3]. Вероятно, традиция придания умершему человеку такого положения в могиле уходит корнями в эпоху бронзы [14, с. 21].

Такой признак, как отсутствие с погребенным лошади, отмеченный в ходе раскопок рассматриваемого объекта, в целом был характерен для традиций большей части населения бийкенской культуры [6, с. 115]. При этом, судя по имеющимся материалам, конь находился чаще всего в захоронениях женщин [там же], что косвенно подтверждает приведенное ранее антропологическое определение, согласно которому в каменном ящике кургана № 22 находился умерший мужчина.

Керамика и кости животных, зафиксированные в курганный насыпи и заполнении ящика, могут являться останками ритуальной обрядности носителей бийкенской культуры. В ходе раскопок комплексов данной общности подобные свидетельства фиксируются довольно часто [1, с. 60, 86–87; 7, с. 28; 15, с. 116; и др.]. Также, вероятно, с поминальной практикой связана яма (сооружение 13). Объекты несколько иного облика в материалах бийкенской культуры неоднократно отмечались рядом с погребальной камерой [1, с. 36, рис. 3; 16, с. 86–87, рис. 7–8; 17, с. 25–26, рис. 37; и др.]. В ряде случаев они также сооружены с юга.

Таким образом, курган № 22 может быть уверенно отнесен к бийкенской археологической культуре. Довольно архаичные элементы обрядовой практики могут указывать на раннюю дату данного погребения в кругу синхронных комплексов. Имеющиеся результаты радиоуглеродного датирования этого захоронения, а также других объектов некрополя Карбан I свидетельствуют о сооружении могильника в широких рамках VIII – первой половины VI в. до н. э. Дальнейшее изучение имеющихся материалов позволит детализировать вопросы, связанные с датировкой раннескифских сооружений памятника, а также более полно охарактеризовать неоднородный состав населения Северного Алтая этого времени.

N. N. Seregin¹, M. A. Demin², S. S. Radovskiy³

^{1,3}*Altai State University*

²*Altai State Pedagogical University*

Burial of the Biyke culture from Northern Altai

Annotation. The article presents the results of the study of one of the early Scythian burials of the Karban-I archaeological complex. This site is located on the left bank of the Katun river, 1.7 km northwest of the Kuyus village, in the Chemal district of the Altai Republic. The key characteristics of the published burial mound No. 22 are a stone

tomb structure; a box of slabs set at the level of the ancient horizon; strongly crouched posture of a deceased person, laid on his left side; orientation of the deceased head to the north-western sector of the horizon. This object belongs to the Biyke archaeological culture of the early Scythian period. Due to the lack of accompanying inventory, the dating of the burial, taking into account the available results of radiocarbon dating, is determined within the broad framework of the 8th – first half of the 6th centuries BC. **Key-words:** *Altai, early Scythian period, mound, Biyke culture, burial, chronology.*

Источники и литература

1. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Часть I. Культура населения в раннескифское время. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1997. 232 с.
2. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А. Основные этапы изучения скифской эпохи Горного Алтая // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 70–75.
3. Марсадилов Л. С. Комплекс памятников в Семисарте на Алтае. СПб.: ГЭ, 2001. 184 с. (Материалы СААЭ ГЭ. Вып. 4).
4. Шульга П. И. Снаряжение верховой лошади и воинские пояса на Алтае. Ч. I. Барнаул: Изд-во Азбука, 2008. 276 с.
5. Тишкин А. А. Бийкенская культура Алтая аржано-майэмирского времени: содержание и опыт периодизации // Terra Scythica. Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2011. С. 272–290.
6. Тишкин А. А., Дашковский П. К. Социальная структура и система мировоззрений населения Алтая скифской эпохи. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. 430 с.
7. Суразаков А. С. Кош-Тал // Материалы по истории и этнографии Горного Алтая. Горно-Алтайск: Б.и., 1993. С. 25–45.
8. Абдулганеев М. Т. Майэмирские курганы Бойтыгема // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 37–43.
9. Тишкин А. А., Матренин С. С., Семибратов В. П. Предметный комплекс аржано-майэмирского времени из памятника Бике IV на Алтае // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2018. Вып. 2. С. 211–216.
10. Кирюшин Ю. Ф., Тишкин А. А., Матренин С. С., Кунгуров А. Л., Семибратов В. П. Тьткескенский археологический микрорайон Северного Алтая: Культурно-хронологические комплексы поздней древности и раннего средневековья. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2020. 296 с.
11. Полторацкая В. Н. Могильник Березовка I // АСГЭ. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1961. Вып. №3. С. 74–88.
12. Грязнов М. П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка // МИА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. № 48. 256 с.
13. Шамшин А. Б., Фролов Я. В., Медникова Э. М. Бобровский грунтовый могильник // Погребальный обряд древних племен Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996, С. 69–88.
14. Бобров В. В. К проблеме историко-археологического развития в начале I тыс. до н.э. на территории Южной Сибири // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 20–23.

15. Степанова Н. Ф. Охранные раскопки на Усть-Куломском могильнике // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1996. С. 115–119.
16. Ларин О. В. Суразаков А. С. Раскопки могильника Чоба 7 // Археология Горного Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1994. С. 86–91.
17. Суразаков А. С., Тишкин А. А. Археологический комплекс Кызык-Телань I в Горном Алтае и результаты его изучения. Барнаул: Азбука, 2007. 232 с.

DOI 10.37386/2687-0584-2022-17-175-179

УДК 902.2

М. Г. Сулейменов, С. С. Онищенко, А. М. Илюшин

Работы по мониторингу археологического наследия Кемеровской области

Кузбасский государственный технический университет имени Т. Ф. Горбачева, г. Кемерово, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлены результаты полевых исследований Кузнецкой комплексной археолого-этнографической экспедиции в 2022 г. по мониторингу и поиску «утраченных» археологических объектов на территориях пяти административных образований Кемеровской области. Публикуются подъемные сборы керамики раннего железного века и средневековья с поселений Красулино II, Евтино, Каракан и Бедарево. Приводится историографическая информация о поисках и открытии поселения Бедарево и Пестеревских курганов. **Ключевые слова:** мониторинг, поселение, курганы, объект археологии, керамика.

В 2022 г. Кузнецкая комплексная археолого-этнографическая экспедиция гуманитарного научного центра Кузбасского государственного технического университета (ККАЭЭ ГНЦ КузГТУ) проводила полевые археологические исследования по мониторингу объектов археологического наследия и поиску ранее открытых объектов, которые «исчезли» на административных территориях Новокузнецкого муниципального района, Прокопьевского, Беловского, Гурьевского и Ленинск-Кузнецкого муниципальных округов Кемеровской области. Работа по мониторингу и поиску археологических объектов в последние годы является одной из составляющих направлений полевых исследований ККАЭЭ [1, с. 192–195; 2; 3, с. 35–41; 4, с. 92–96; и др.].

В ходе полевых работ 2022 г. были осмотрены и сфотографированы 35 памятников на предмет оценки современного технического состояния их территории и сохранности объектов в целом. По результатам работы были составлены акты технического состояния объектов археологического наследия. Кроме этого, были уточнены места расположения поселений Кыргай II и Кыргай III на территории новокузнецкого района. При мониторинге на отдельных поселениях была собра-